

УДК: 94

**ИЗОБРАЖЕНИЕ ИНОВЕРЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В «ПЕСНИ
О БЕРТРАНЕ ДЮГЕКЛЕНЕ» ЖАНА КЮВЕЛЬЕ****Лачугина Н.С.**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация

Песнь о Бертроне Дюгеклене – жеста, написанная трувером Жаном Кювелье в 1380 г., которая повествует о подвигах французского рыцаря и его соратников. В статье представлено исследование того, какие черты включает в себя образ иноверцев в поэме и как изображаются их восприятие другими персонажами произведения. Работа сфокусирована на рассмотрении сюжета о противостоянии за престол в Кастилии (1351 – 1369), поскольку в нем важным индикатором дихотомии «свой – чужой» является религиозный фактор. Делается вывод, что на изображение в Песни нехристиан влияют особенности жанра *chanson de geste*, представления о религии, распространенные в конце XIV в., и рыцарские идеи.

Ключевые словаБертран Дюгеклен, Жан Кювелье, иноверцы, *chanson de geste*, образ Другого.

Один из основных способов самоидентификации личности – различение себя и Другого, интересы, ценности и сущность которого не соответствуют представлениям индивидуума о том, что свойственно ему самому. Даже в мирные времена характеристики представителей иного сообщества аффектированы, из-за чего в культуре и политическом дискурсе может конструироваться монструозный и карикатурный образ Чужого. Во время военных конфликтов черты в изображении «чужих» гиперболизируются, что позволяет использовать их в пропаганде ради объединения «своих» против врага. По этой причине рассмотрение оппозиции «свой – чужой» на материале, связанном с военными конфликтами, показательно для изучения идентичности различных общностей. Так, например, исследование восприятия представителями рыцарства «своего» и «чужого» на протяжении Столетней войны способствует реконструкции некоторых аспектов, затрагивающих этические воззрения этого сословия в XIV–XV вв.

Вплоть до XIII – XIV вв., когда идея крестового похода заменилась идеей миссии, для западноевропейской культуры «чужими» зачастую были нехристиане [8]. Изменения в мировоззрении позднесредневекового общества были вызваны расширением контактов между Западом и Востоком, спровоцировавших отказ от дуализма «христианин – нехристи» [8]. Тем не менее как христиане относились к иноверцам в XIV – XV вв. во время войны, обостряющей антагонизм между представителями разных культурных сообществ? И каким образом рыцари, будучи непосредственными участниками военных действий, воспринимали людей другой веры? На эти вопросы мы постараемся ответить в этой статье, изучив жесту «Песнь о Бертроне Дюгеклене» трувера Жана Кювелье.

Выбор произведения жанра *chanson de geste* в качестве источника для изучения вопросов идентичности обусловлен спецификой подобного художественного творчества, подразумевающего оппозицию «свой – чужой» в сюжете произведения. В ранних жестах, действие которых часто происходит в каролингскую эпоху, основными противниками главных героев становились иноверцы и те, кто их поддерживал [6]. Вероятно, самым известным примером изображения нехристиан как отрицательных персонажей можно считать образы иноверцев в «Песни о Роланде», излагающей историю битвы в Ронсевальском ущелье между армией Карла Великого

и войском басков. Приведем цитату из фрагмента о взятии Сарагосы, где описывается разрушение протагонистами нехристианских объектов культа и жестокое обращение с людьми другой религии. «Ревнует Карл о вере христианской, / Велит он воду освятить прелатам / И мавров окрестить в купелях наспех, / А если кто на это не согласен, / Тех вешать, жечь и убивать нещадно» [2] – такие слова, подкрепляющие тезис о том, что представители иного вероисповедания исключались из христианского мира, если не могли быть присоединены к нему силой [8], используются в поэме для повествования о деяниях франков.

В *chansons de geste* позднего Средневековья время действия не всегда приходится на VIII – X вв., а центральный конфликт может не относиться к противостоянию христиан и нехристиан. Среди наиболее популярных литературных произведений того времени – рыцарские биографии, составлявшиеся в форме жесты до XV в. Помимо военных предводителей, обозначенных в заглавии, подобные работы воспевали рыцарство и его ценности в целом, а также носили дидактический характер, ведь их аудиторию составляли аристократы, увлеченные рыцарским этосом и желавшие обнаружить примеры для подражания в прошлом, зачастую среди деяний предков [4]. Жесты о жизнях знаменитых рыцарей повествуют о борьбе с другими знатными людьми за политическое влияние, участии в военных походах и спорах за земли, а также взаимодействии с представителями иных сословий.

Одной из самых длинных (23 тысячи александрийских строк) среди известных на данный момент рыцарских биографий последней трети XIV века является «Песнь о Бертроне Дюгеклене» (1380 г.) Жана Кювелье. Жеста рассказывает об участнике Столетней войны Бертроне Дюгеклене и затрагивает такие сюжеты из его биографии как участие в войне за бретонское наследство, служение Карлу де Блуа и признание рыцарских добродетелей Дюгеклена герцогом Ланкастерским, военный конфликт в Нормандии, борьба против Педро Жестокого и англичан в Кастилии, его деятельность в качестве коннетабля, смерть рыцаря, подвиги Оливье Клисона и других соратников воина.

Вплоть до второй половины XX в. ученые мало изучали жесту, как и остальные произведения подобного жанра, так как в исследовательской литературе господствовал стереотип о регрессе этого вида творчества в позднем Средневековье [21]. Однако с 1970-х гг. благодаря публикации новых источников [21] и вследствие влияния на методологию гуманитарных исследований постструктурализма [3] возникает множество работ, посвященных *chansons de geste* XIV века и в том числе «Песни о Бертроне Дюгеклене». Большой вклад в изучение рыцарской биографии сделал французский филолог Жан-Клод Фоко, не только писавший научные статьи о произведении, но и опубликовавший его по рукописям VnF, nouv. acq. fr. 993 и ms. N250. До него поэма публиковалась только Эрнестом Шарьером по манускрипту VnF, fr. 850 в 1839 г. Рукописи, использованные Жаном-Клодом Фоком для публикации, представляют собой два фрагмента одного манускрипта [20]. По мнению исследователя Найджела Брайанта, выполнившего перевод поэмы на английский язык, несмотря на то что вариант текста, к которому обратился французский ученый наиболее полный, переписчик рукописи иногда допускал ошибки и добавлял бессмысленные толкования [18]. Из-за этого, замечает переводчик, чтобы понять суть повествования, зачастую приходится обращаться к другим версиям произведения [18]. В целом, любой из семи сохранившихся манускриптов Песни уникален и содержит свое прочтение сюжета о знаменитом рыцаре [18]. Каждый переписчик мог как дополнить, так и убрать строки, отрывки и даже целые эпизоды [18]. В нашей статье мы обратимся и к публикации Жан-Клода Фокона, и к труду Эрнеста Шарьера, поскольку разные манускрипты вследствие отличий в изложении биографии Бертрона Дюгеклена и его соратников позволяют обеспечить наиболее полное представление о восприятии рыцарями людей другой религии.

Гражданская война в Кастилии (1351 – 1369) – династическая борьба за престол королевства, включенная в военно-политическое противостояние между Англией и Францией в рамках Столетней войны. После смерти короля Альфонсо XI в 1350 г. его сыновья – законный Педро Жестокий и внебрачный Энрике Трастамарский – вступили в конфликт, распространившийся по всей Кастилии [11]. Поскольку Бертран Дюгеклен активно участвовал в этом конфликте на стороне Франции, которая оказывала помощь Энрике [12], столкновение за кастильский трон

подробно описывается в произведении Жана Кювелье. В частности, трувер указывает на причины противостояния в стране и стремится аргументировать законность претензий на престол кандидата, поддерживаемого французским королем. При этом «правильная» религиозность – один из ключевых доводов в обосновании необходимости того, чтобы власть получил Энрике Трастамарский. «Славные господа, бесчестные деяния ведут к бесчестному концу. Праведный путь – веровать в Писание и истинного Господа небесного, а также в то, что сын Его пришел, чтобы избавить от яда своей смертью, которую он претерпел от копья Лонгина. Всем людям без исключения следует верить в Закон, принесенный и показанный Им его прекрасным сердцем, и в святое таинство хлеба и вина. Итак, я уверен, что король Педро не сделал этого. Ведь он любил гораздо больше евреев и сарацинов, которые были слишком приближены к нему во всех делах и обладали доверием большим, чем его братья и родственники. Между тем Бог послал Бертрана Дюгеклена, чтобы из-за него тот [Педро Жестокий] умер как сторожевая собака, о чем вы услышите, прежде чем я закончу»³ – пишет Жан Кювелье в начале фрагмента о борьбе за политическое влияние в Кастилии.

В XIV – XV вв. Кастилия переживала трудные времена как в социально-экономической, так и культурной сферах. После окончания Реконксты, спровоцировавшей отток мусульманского населения в Гранаду и Северную Африку, в королевстве проявлялись кризисные явления, связанные с упадком сельского хозяйства и ремесленного производства, а также чумой, бушевавшей в середине XIV в. [15]. Уменьшение доходов знати заставляло разные политические группы соперничать за влияние и земли, что создавало почву для длительной междоусобной борьбы [15, с. 492]. Кроме того, так как Реконкиста проходила под лозунгами борьбы христианства над исламом, в Кастилии возросла религиозная нетерпимость на фоне общественно-политических изменений [15, с. 493].

Одновременно с этим, в Европе позднего Средневековья, по словам культуролога Й. Хейзинги, «жизнь народа текла в привычном русле поверхностной религиозности при весьма прочно укорененной вере, с ее страхами и восторженными порывами, но люди неученые не знали ни спорных вопросов, ни духовных борений» [14]. Отношение рыцарского сословия к религии тоже было двойственным [14, с. 299] и включало в себя как презрение к духовенству, так и стремление к благочестию [14, с. 304]. По мнению ученого, средневековый поэт, подобно Дешану, Антуану де ла Саль, Жану Молине, мог слагать благочестивейшие хвалебные гимны вслед за стихами полными богохульства [14, с. 235]. В то же время нидерландский ученый ставит в один ряд романтику святости и романтику рыцарства, поскольку обе обладают схожей потребностью обнаружения воплощения идеального поведения в реальности или его запечатления в литературе [14, с. 304]. Литературный образ Карла де Блуа, причисленного Церковью к лику святых, Й. Хейзинга считает примером изображения «идеала святости» и почитания рыцарских добродетелей [14, с. 310]. Согласно нарративным источникам того периода (в частности, «Песни о Бертроне Дюгеклене»), хотя жизненный путь аристократа, происходившего из кругов высшей знати, был схож с тем, что вели люди подобного происхождения, рыцарь стремился к аскетическому образу жизни [14].

Очевидно, описание поведения, соответствующего религиозным нормам, было свойственно не только изображению персонажей, считавшихся святыми, но и другим протагонистам. Одним из приемов, с помощью которого авторы демонстрировали правильность поступков «своих», было детальное повествование о действиях антагонистов, выходивших за рамки рыцарской и религиозной этики. Поэтому в «Песни о Бертроне Дюгеклене» Жан Кювелье, создавая образы двух оппонентов в противостоянии за престол Кастилии, излагает факты так,

³ *Beaux seigneur, la maise euvre atrait la maise fin; / Bon fait croire sa loy et le vray Dieu divin, / Et comment le filz Dieu vint oster le venin / Par la mort qu'il souffri de la lance Longin. / La loi qu'il nous donna et monstra de cuer fin, / Et le saint sacrement fait de pain et de vin / Doivent croire de cuer toute gent enterin. / Ce ne fist pas roys Pietre, ainsi con je descriu; / Il amoit mieulx assez Juifs et Sarrazin / Et en tous ses estas lui estoient voisin, / Et trop plus les créoit que frère ne cousin. / Pour tant li envioia Dieux Bertran du Guesclin, / Car il moru par lui à guise de mastin / Et par le noble Bègues de Villaines gentin, / Ainsi con vous orrez avant que prende fin [6612–6626].*

чтобы продемонстрировать аудитории поэмы неправильность политики Педро Жестокого и отсутствие у него оснований для обладания троном королевства. Для создания контраста между деяниями претендентов на власть в стране трувер обращается не только к документам, нарративным источникам, надежным свидетельствам очевидцев, но и слухам, которые ходили о героях конфликта.

Поскольку, как уже было замечено выше, иноверцы могли выступать «чужими» для средневекового социума, Жан Кювелье часто делает акцент на том, что Педро Жестокий получает поддержку от нехристиан его королевства. Согласно тексту поэмы, даже преступления, совершаемые им против христиан, происходят под влиянием представителей иной религии. Например, по тексту жесты, убийство Бьянки де Бурбон (наверное, один из самых известных сюжетов из биографии Педро Жестокого) было совершено им по совету иудеев. «Но тогда в Испании правил король по имени Педро. По совету иудеев, с которыми он слишком сблизился, Педро убил свою жену, что была весьма великодушной»⁴ – подобно описанию преступления, возмущившего не только кастильскую аристократию, но и знатных людей во Франции, присутствует в поэме. Чтобы показать единодушие христиан независимо от их места происхождения, Жан Кювелье намеренно подробно рассказывает о негативной оценке поступка короля Кастилии. «Все войны Франции были злы на него: вооружились и французы, и наварцы и англичане»⁵ – так описывает автор негодование рыцарей, узнавших о гибели христианки.

Другим примером использования непроверенной информации для создания отрицательного образа Педро Жестокого, можно считать обращение к слухам о внебрачном рождении короля, которые возникли из-за его покровительства кастильским евреям. Согласно сплетням, распространившимся в те времена, сын Альфонсо XI умер в младенчестве и его подменили на еврейского ребенка [10]. В поэме Жана Кювелье именно на эти истории, бытовавшие среди современников событий, ссылается Энрике II, общаясь с братом. «Ведь ты, говорят, родился от еврея и был подменен в колыбели. Будь ты проклят! Тебя по праву можно назвать ублюдком, поэтому ты не имеешь права на королевство» [19] – произносит соискатель кастильского трона перед тем, как вступить в схватку за власть с Педро Жестоким. По сюжету произведения, о том, что Педро Жестокий не может претендовать на престол, так как не является сыном Альфонсо XI, Энрике узнает от еврея, который дал ему клятву и принял христианство из-за возмущения по поводу убийства Бьянки де Бурбон. В свою очередь, протагонисты не имеют родства с иноверцами, не допускают брака и сексуальных отношений с ними, и в целом выступают против любого физического взаимодействия с нехристианами. Повествуя о том, из-за чего иудеи решили убить Бьянку де Бурбон, трувер рассказывает историю о богатом еврее, который хотел выразить почтение христианке и практически поцеловал ее в губы. Поступок иудея настолько разозлил королеву, что она приказала казнить еврея, однако ему удалось сбежать и поведать об этом случае Педро Жестокому.

Помимо возможных умозрительных факторов, влиявших на создание образов «своих» и «чужих», стоит указать на конкретные обстоятельства, связанные со средневековым законодательством и религиозным мировоззрением. Поскольку каноническое право запрещало интимные связи между христианами и людьми других религий [5], упоминание в жесте возможных контактов Педро Жестокого с представителями других вероисповеданий используется как средство для создания образа короля как антагониста. Например, в «Песни о Бертроне Дюгеклене» присутствует история о том, как иудейка, возлюбленная Педро Жестокого, говорит ему о готовящемся предательстве евреев, из-за чего Энрике не удастся убить брата. Также необходимо затронуть эпизод, когда Педро договаривается о военной помощи в Фесе, ему был предложен брак с дочерью правителя, исповедовавшей ислам, на который он соглашается.

В то же время преступления против иноверцев и, в частности, их убийство зачастую оправдывается автором произведения. В сюжете, повествующем об изгнании Энрике из Кастилии,

⁴ Mès il ot en Espagne .l. roy Pietre nommé, / Qui fist mourir sa femme, qui moult ot de bonté / Par conseil de Juifs qu'il avoit trop hanté.

⁵ Toutes les gens d'armes de France l'érité / François et Navarrois et Anglois adoubé.

протагонист совершает убийство еврея, который был при дворе у Педро. Король был разгневан из-за подобного поступка брата, однако рыцари, приближенные к нему, напротив, просят простить его: «Если Энрике поступил неправильно, простите его. Он ваш брат, сир, и человек весьма знатный. Ему наверняка можно позволить разбить горшок-другой в вашем доме! Если он убил еврея, не огорчайтесь – ему будет прощено, когда он окажется лицом к лицу с Иисусом! Дай Бог, чтобы каждый еврей в королевстве был в таком же положении, как этот здесь! Позовите своего добросердечного брата обратно и простите его, мы умоляем вас»⁶. Подобное обезличивание Другого посредством приравнивания убийства человека иной религии к разбитой посуде, возможно, интерпретировать как еще один способ радикального различения христианского и нехристианского миров. Так, философ Э. Левинас [7] рассматривал убийство Другого как признание абсолютной невозможности обладания им. «Убить значит не господствовать, а уничтожить, полностью отказавшись от овладения» – замечал известный мыслитель.

Уничтожение представителей других религий и их образа жизни можно назвать одной из целей, с которой Бертран Дюгеклен и его армия прибыли в Испанию⁷. Ведь военный поход под предводительством знаменитого французского военачальника в тексте характеризуется как крестовый, и его участникам обещается отпущение грехов. Так, кардинал, обращаясь к папе, рассказывает о преступлениях воинов, отправляющихся в Гранаду. «Святой отец, я говорил от вашего имени с прославленным рыцарем Бертраном Дюгекленом, знатным графом де Ла Марш, маршалом Франции по имени Арнуль, а также с большим количеством англичан и многих могущественных бретонцев, которые возглавляют кампанию в Гранаду, чтобы бороться с мусульманами. Воины предполагают, что это позволит им спасти души, поскольку они причиняли королевству нескончаемые неприятности. Я пришел с их признанием: они сжигали церкви и прекрасные дома, убивали женщин и детей, насиловали девиц и знатных дам, угоняли коней, крупный рогатый скот, домашнюю птицу и овец, бесплатно пили вино, крали драгоценности, забирали из церквей чаши, золото, серебро и медь, а также извергали потоки ругательств. Эти люди совершили гораздо больше возможных преступлений, чем можно было бы рассказать в истории или песне»⁸ – в деталях излагает кардинал содеянное представителями армии, собранной для кампании в Испанию. Ответ папы соответствует идее об искупительном значении этого мероприятия, так как, выслушав кардинала, он восклицает, что бывшие преступники получают прощение, если присоединятся к крестовому походу. Далее, повествуя о том, как войско Бертрана Дюгеклена воюет с противниками, Жан Кювелье подчеркивает жестокость, с которой сторонники рыцаря расправлялись с иноверцами. При этом трувер замечает, что Энрике помиловал христиан, воевавших на стороне Педро Жестокое.

Указание на намеренную изолированность христианского сообщества от представителей других религий просматривается в неразличении иных верований. Так, несмотря на постоянное подчеркивание контактов Педро Жестокоего с иудеями и упоминание их поддержки антагонисту, автор «Песни о Бертроне Дюгеклене» приписывает ему исламскую веру. Жан Кювелье

⁶ «Bien puet briser .l. pot par dedens vo maison. / S'il a tué .l. Juifs, n'y comptezun bouton; / Sauvez sera devant la face au roy Jhésom. / Pléust à Dieu que tous les Juifs de vostre royon / Feussent tous en tel point que cestui que véon / Faites huchier / ou frère Henry o le cuer bon / Et lui faictes pardon et nous vous en prion».

⁷ «Seigneur, or escoutez, franche gent honnourée, / Et vous orrez chançon de matière provée / Qu'il avint en ou tamps et la saison loée / Que cilz Bertran régna, qui tant ot renommée, / Et comment il ala o grant gent assablée Pour destruire païens, la male gent dervée».

⁸ Père S., j'ai parlé et monstre vos raison / A Bertran de Guesclin, .l. chevalier de non, / Au conte de la Marche de haute estracion, / Au mareschal de France, qui Ernoul a à non, / Et à pluseurs Engloiz et à maint fort Breton. / En ceste compaignie a de gens à foison, / Mainent dedens Grenade dessus la gent Mahon, / Pour leurs âmes sauver, c'est lor entencion. / Il ont fait ou roiaulme mainte exécution; / Je vous vieng apporter la lor confession; / Il ont ars maint moustier, mainte belle maison, / Occiz famés, enfans à grant destruction, / Pucelles violées et dames de grant non, / Robés vaches, chevaux et pillié maint chapon, / Et beu vin sans paier et robé maint mouton, / Et emblé maint joiel à tort et sans raison, / Calices de moustiers, argent, cuivre, laiton / Ditte mainte parole plaine de maliçon; / Tous les maulz c'on puet faire plains de malefaçon, / Plus c'on ne porroit dire en livre n'en chançon; / Ne onques en lor vie ne firent ce mal non Engloiz et Navarroiz et d'autres à foison; / Si en crient merci, et de Dieu le pardon / Et de vous ensement vraie absolucion.

описывает, как Педро Жестокий, бежавший в Фес после поражения в битве, соглашается принять ислам, чтобы получить помощь местного правителя в борьбе с Энрике. Объяснение подобной непоследовательности в описании религиозности антагониста может быть связано со средневековым «общим подходом» к иноверию. М. Р. Майзульс в монографии «Воображаемый враг. Иноверцы в средневековой иконографии» пишет, что в зависимости от ситуации средневековые клирики различают людей по религиозной принадлежности, но в других случаях они относят любых представителей иной религии к категории «неверных» [9]. Также историк отмечает, что это было отражено в каноническом праве.

Еще одним примером слияния других религий – упоминание умения колдовать и предсказывать иноверцами и теми, кто был недавно обращен в христианство (бывшая иудейка, предсказавшая Бертрану Дюгеклену великое будущее в начале произведения, или иудей, который обратился к астрологии и угадал исход битвы), возможно, также связано с тем, что каноническое право не различало иные религиозные течения и, в частности, монотеистические и политеистические религии. Как следствие, иудеям и мусульманам приписывалось идолопоклонство и обращение к практикам, несвойственным для монотеизма. Подобное восприятие иноверцев в западноевропейской культуре позднего Средневековья было заимствовано из более ранних эпох. Например, в «Деяниях франков и прочих иерусалимцев» мать Кербоги предостерегает сына от участия в битве с христианами, поскольку в языческих книгах содержалось предсказание о поражении мусульман [1].

«Представление о христианском обществе как о коллективном Теле Христа вело к тому, что поле легитимной инаковости внутри этой системы постоянно сужалось. Иноверие, ересь и суеверие следовало извергнуть вовне или обезвредить через проповедь, покаяние и обращение», – пишет историк М. Р. Майзульс в упомянутой выше монографии [9]. Образы иноверцев в рыцарских биографиях соответствуют этому представлению: так, положительными персонажами «Песни о Бертроне Дюгеклене» являются бывшие иноверцы, принявшие христианство. В начале поэмы в дом семьи Бертрона Дюгеклена приходит еврейка, которая недавно приняла христианство. Автор произведения характеризует эту женщину как мудрую. «Послушайте меня, госпожа: клянусь Богом, что этот ребенок, которого вы видите перед собой и которого вы так презираете, окажется настолько удачливым и таким смелым, что превзойдет в чести всех своих родственников. Клянусь своим телом: я вижу в нем признаки такого славного будущего, что, если я проживу так долго, вы сможете сжечь меня заживо, если ему не удастся завоевать несравненную честь под небесами. Его будут почитать выше, чем кого-либо в этой стране и во всем французском королевстве»⁹. Или же еврей, который, узнав о смерти жены Педро Жестокого, был раздосадован и наблюдал серию чудес, после чего решил принять христианство и отказаться от службы королю [19].

Помимо религиозного фактора на создание образов иноверцев влияли политические интересы людей, обратившихся к Жану Кювелье с просьбой написания жести. Из-за связей Педро Жестокого с иудеями и их политических позиций в регионе, которые укрепились вследствие покровительства короля и вызывали недовольство его оппонентов, а также вследствие резкого роста антисемитизма во Франции конца XIV века, в поэме гораздо большее внимание уделяется созданию негативного образа представителей иудаизма. В частности, в тексте прослеживается антисемитское представление, согласно которому евреи предали смерти Иисуса Христа. Джошуа Трахтенберг отмечал в своей знаменитой книге об истории антисемитизма: «В литературе средневековья преобладала единая точка зрения на евреев, предписанная ортодоксальной церковью: мистерии, миракли и моралите, хроники и легенды, поэмы, народные сказки, песни и предания – все изображали евреев источником зла, ибо они замыслили чудовищные

⁹ Dame, dist-elle à lui, oez mon jugement / Je vous jure sur Dieu et sur mon sacrement / Que cest enfant ici, que là voi à présent, / Que vous tenez ainsi maléureusement, / Si sera tant eueux et de tel hardement / C'onques si grant honneur n'orent tuit si parent, / Car je voi desur lui .l. tel avènement, / Que j'oblige mon corps, se je viflonguement, / Car on me face ardoir en .l. feu justement, / Se cilz enfès ne vient à honneur grandement. / Il n'ara son parail en tout le firmament, / Et li plus lionnerez et prisiez grandement / De tous ceulx du roialme de France vraielement.

преступления против основателя христианской веры и христианской церкви, а также против его приверженцев и последователей» [13]. Иллюстрацию этой мысли можно обнаружить и в произведениях Жана Кювелье. В одном из фрагментов поэмы Энрике II, обращаясь к одному из иудеев, восклицает: «Ты ненавистный негодяй! Вы и остальные околдовали короля! Но я клянусь Богом, который был распят – замучен и пригвожден к кресту нечестивыми евреями – вы получите заслуженную плату, чтобы отомстить за смерть Бога, против которого вы богохульствуете! Ты больше не собьешь с пути короля, моего брата!»¹⁰.

Один из важных сюжетов во фрагменте о Кастильской войне – убийство Бьянки де Бурбон – вероятно, тоже является отголоском антисемитского представления об иудеях как людях, совершающих преступления против христианства и его последователей. Так, двух евреев Данио и Тюркана, участвовавших в убийстве королевы, по тексту поэмы наказывает бог. По сюжету Данио и Тюркан занимались сбором податей с евреев и брали гораздо больше, чем нужно. Евреи рассказали об этом, а также вспомнили, что мошенники были среди тех, кто убивал Бьянку де Бурбон. Когда их схватили, Тюркан признался в том, что участвовал в убийстве Бьянки де Бурбон вместе с Данио. Второй схваченный отрицал свое участие в преступлении, но утверждал, что Тюркан действительно причастен к смерти жены Педро Жестокого. Чтобы выяснить, кто из них говорит правду, Энрике приказал устроить поединок между Данио и Тюрканом. Во время схватки небеса разверзлись, ударила молния и испепелила двух евреев.

«Таким образом двое иудеев, которые были сильнейшими воинами, от удара молнии превратились в уголь. Великие лорды и знатные бароны были слишком поражены и не могли говорить. Это знамение было показано Богом, претерпевшим страсти, чтобы явным способом выразить любовь к королеве. Колокола церкви громко звонили. Шестьсот евреев и множество сарацин приняло крещение»¹¹ – такими словами Жан Кювелье завершает эпизод, которым еще раз подчеркивает неприемлемость с религиозной точки зрения претензий на престол Педро Жестокого.

Кроме того, в повествовании Жан Кювелье присутствует негативный стереотип о предприимчивости иудеев и их стремлении к материальным благам. Так, рассказывая о том, почему Энрике потерял большинство сторонников в начале своей борьбы с королем, Жан Кювелье вновь обращается к слухам о еврейском происхождении Педро Жестокого и упоминает, как правитель подкупил их с помощью богатства. Кроме того, в «Песни о Бертроне Дюгеклене» есть, вероятно, вымышленная история о том, как еврей выкупил бежавшего после поражения Педро Жесткого у моряков, желавших его убить. В этом эпизоде, содержащем дидактический аспект, автор специально подчеркивает униженное положение персонажа, подмечая, что «ни с одним королем так не поступали». Жан Кювелье сопрягает в этом фрагменте политический и религиозный аспекты, поскольку объяснение причины, по которой король Кастилии оказался в подобной ситуации, кроется, по мнению автора, в «отказе от веры». Получив власть, по мнению Жана Кювелье, король должен произносить такие слова: «Боже, мне следует благодарить и хвалить тебя за то, что ты вознес меня на высоты Фортуны. Я должен помнить о своих грехах и менять свой жизненный путь, брать на себя обязательство творить добро и платить по долгам, отдавать все свое богатство бедным, а время и внимание нуждающимся друзьям, каяться в своих грехах и исповедоваться, прощать все обиды, быть скромным и добрым, приветствуя людей, и делить мой стол и общество с достойными людьми»¹².

¹⁰ Ha, saulz Juif! dit-il, lerres envenimez, Par vous et par les autres est li rois enchantez; 6845 Mais, foi que doi à Dieu, qui en crois su penez, Par les félons Juifs travieilliez et cloez! Pour la mort Dieu vengier, qui de vous est blasmez, Arez vostre paiement tel qu'avoire poez; Jamais le roi mon frère ne forconseillerez.

¹¹ Ainsi li II Juifs qui furent champion / Furent ars de tonnoire si con feu de charbon / Trestuit li haut seigneur et li noble baron / Furent si esbahi, ne dirent o ne non. / Ce signe monstra Dieu qui souffri passion / Pour l'amour la roynne à la clère façon. / Les cloches du moustier sonnèrent à cler son. / Bien XVIe, Juifs de celle nacion / S'en firent baptisier et Sarrazins foison.

¹² Sire Dieux, je te doi bien loer / Quant tu m'as de si bas fait si haut fortuner. / Or me doi bien souffrir, or doi-je bien loer, Or ai-je bien raison de ma vie amender / Et me doy sans gaiger de bien faire mesler. / Or te couvient paierquanquetu asàcompter, / Or doys aux poures gens de les biens présenter. / Et mes poures amis véoir et

Подобно историям об умении колдовать и предсказывать, в произведении Жана Кювелье эти стереотипы распространяются не только на отрицательных, с точки зрения автора, персонажей, не следующих христианской религии, но и на положительных, а именно тех, кто недавно перешел в христианство. Так, автор может обратиться к антисемитскому представлению о стремлении евреев к деньгам одновременно как когда делает характеристику человека, которого обвиняет в смерти жены короля, так и в рассказе о богатстве еврея, который вместе со своей семьей в христианство обращается, после того как узнал об убийстве Бьянки де Бурбон.

Несколько иначе в произведении Жана Кювелье создаются изображения воинов-нехристиан, с которыми приходится сталкиваться протагонистам. Как и в ранних *chanson de geste* (например, «Песни о Роланде») в поэме обнаруживаются образы воинов иной религии, чьи личностные качества и военные умения сопоставимы с основными положительными персонажами жесты. Так, сын правителя Феса, намеревающийся сразиться на стороне Педро Жестокого, изображен как один из лучших и благородных воинов. «Он [правитель Феса] говорит: “Вы хорошо сказали¹³. Мой сын Алетер поведет мое войско. Ему еще нет 20 лет, но знайте правду, что прекраснее и сильнее него нет рыцаря отсюда и до Дамаска, где так много богатства. Его дядя – четыре правителя сарацинов: султан Дамаска, являющийся самым старшим, прославленный правитель Иерусалима, мой брат правитель Анталы и правитель Гранады, который оказывает вам дружбу. Им посланы десять тысяч сарацин в Севилью, они отплыли в Толедо, чтобы снять осаду. Нам нужно торопиться, потому что они там голодают”»¹⁴.

Обратим внимание на то, что автор подробно характеризует не только качества Алетера как воина, но и делает акцент на его знатном происхождении. Причина присутствия такого описания, как и в ранних примерах жанра, возможно, обусловлена необходимостью составления образа равного по сословию противника рыцаря. Остальным же противникам-нехристианам, не обладающим знатным происхождением, автор приписывает трусость и часто говорит об их неспособности противостоять войску, возглавляемому положительными персонажами произведения.

Схожую особенность можно найти не только в образах противников-нехристиан, но и в том, как характеризуются союзники протагонистов, придерживающиеся иной религии. Представители знатных мусульман и евреев из города Бургос, которые выступают на стороне Энрике Трастамарского, осуждают поступки Педро Жестокого, связанные с «предательством» христианства и его ценностей. Особенно подробно трувер излагает позицию знатных иудеев, считающих, что «христианин бесполезен, если он сбивается с пути и идет против веры», равно как иудей, перешедший в христианство, но совершивший преступления против религии. Интересно, что Жан Кювелье в репликах Алетера подчеркивает его верность исламу и делает акцент на мнении мусульманского воина о невозможности доверия тем, кто «предает» свою религию: «Педро, клянусь Мухаммедом, мы собрали замечательное войско, в котором море евреев и сарацин. Мы собрали армию всех трех Законов. Но мужчин в моей стране меньше всего; и я говорю вам, я никогда не буду доверять этим злым никчемным иудеям или тем христианам, которые опозорили свою веру, так, как я доверяю язычникам нашего Закона»¹⁵.

visiter, / Repentir des meffais et me doi confesser; / Et se j'ai de l'autrui, je doi récompenser; / Et se j'ai en haynne or doi-je pardonner, / Estre humbles et doulx et les gens saluer, / Bonne table tenir, bonne gent endurer; / Aquerre des amis par largement donner; / Et ainsi porrai-je en bien continuer, / Et si porrai ausi l'âme de moi sauver.

¹³ Правитель Феса отвечает на реплику Педро Жестокого, который принял ислам и утверждает, что его сердце предано новой вере.

¹⁴ Roy d'Espaigne, dit-il, vous avez bien parlé. / Aletaire, mon filz, conduira mon barné; / Il n'a mie XX ans, sachiez de vérité: / N'a si bel chevalier ne si bien estofé / De ci jusqu'à Damas, où tant a richeté; / IV roys sarrazins sont si oncle nomé: / Li soudans de Damas est son oncle l'aisné, / Cilz de Jhérusalem I roy bien l'edoubté, / Li roys de Satalie li est de mon costé, / Et li roys de Grenade, qui vous fait amitez. / XX^m Sarrazins sont de par lui alez / A Sébile la grant; en la mer sont entré / Pour aler à Toulette défendre l'érité. / Il nous convient haster, quar moult sont affamé.

¹⁵ Pietre, dit Aletaire, par Malion d'Aquilée' / Nous avons avec nous noble gent assablée: / Mais le mains en y a de ceulz de vous contrée; / Juifs et Sarrazins y a grande marée, / Avec III r[]ois a ci de gent grant assablée /

Таким образом, религиозный фактор становится одним из ключевых в обосновании Жаном Кювелье правильности претензий на престол Энрике Трастамарским и невозможности обладания властью Педро Жестокий. С самого начала фрагмента о Кастильской войне автор ука- зывает на сотрудничество Педро Жестокого с нехристианами, религиозные практики которых в тексте поэмы не различаются между собой. Однако вследствие политической обстановки во Франции конца XIV века и слухов о происхождении Педро Жестокого большее внимание Жан Кювелье уделяет созданию негативного образа иудеев.

Подобно сарацинам из «Песни о Роланде», внешний образ иноверцев в «Песни о Бертроне Дюгеклене» не содержит гиперболизированных и отталкивающих черт, но их действия проти- воречат христианским ценностям. По сюжету поэмы иноверцам приписываются тяжкие пре- ступления против христиан: они убивают праведных людей, вмешиваются в политику и глу- мятся над христианством. Преступления против иноверцев не осуждаются трувером, и даже преподносятся как положительное действие.

Люди, перешедшие в христианство, зачастую характеризуются как положительные персо- нажи, но тем не менее их образы не лишены негативных черт. При этом иначе обстоят дела со знатыми людьми и воинами иной религии. Чтобы изобразить достойного противника или со- зюзника-иноверца, Жан Кювелье подчеркивает их верность своей религии и неприятие «преда- тельства» вероисповедания.

Библиография

1. Деяния франков и прочих иерусалимцев / Перевод с латыни Т. Г. Мякин, В. Л. Портных // «Деяния франков и прочих иерусалимцев». Перевод на русский язык и комментарий. Ново- сибирск, 2010. С.148 – 247.
2. Песнь о Роланде / Перевод со старофранцузского Ю. Корнеева // Песнь о Роланде. Ко- ронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976. С.27 – 146.
3. Автономова Н.С. Постструктурализм [Электронный ресурс] // Новая философская эн- циклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/-NASHe582c8604b992ee6c8eae5> (дата обращения: 30.04.2024).
4. Асейнов Р. М. При дворе герцогов Бургундских. История, политика, культура XV века. М., 2019. 440 с.
5. Зеленина Г. С. Изгой Средневековья: «черные мифы» и реальность. М., 2021. 320 с.
6. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики / Перевод с французского И. К. Стаф. СПб., 2002. 544 с.
7. Левинас Э. Тотальность и бесконечное / Перевод с французского И. С. Вдовиной // Из- бранное. Тотальность и бесконечное. М., СПб., 2000. С.66–291.
8. Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. 412 с.
9. Майзульс М. Р. Воображаемый враг. Иноверцы в средневековой иконографии. М., 2022. 436 с.
10. Пиетри Ф. Педро Жестокий / Перевод с французского И. И. Жатковой. СПб., 2007. 288 с.
11. Рыбина М. В. Педро I Жестокий // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 512.
12. Рыбина М. В. Энрике II // Большая российская энциклопедия. Т. 35. М., 2017. С. 394-395.
13. Трахтенберг Д. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с со- временным антисемитизмом / Перевод с английского В. Рынкевича. М., 1998. 294 с.

Tant de fiance n'aroe en toute ma durée / En ces félons Juifs qui ne valent rien née / Ne en ces faux clirestiens qui ont loi diffamée, / Que j'aroe ès païens de nostre loi nottée.

14. Хейзинга Й. Осень Средневековья / Перевод с нидерландского Д. В. Сильвестрова. СПб., 2019. 768 с.

15. Червонов С. Д., Шилова-Варьяш И. И. Страны Пиренейского полуострова в XI – XV вв. // История средних веков. Т.1. М., 2005. С. 481 – 493.

16. Chronique de Bertrand du Guesclin par Cuvelier, trouvère du XIVe siècle / publiée par E. Charrière. Paris, 1839. 2 t. 599, 620 p.

17. La chanson de Bertrand du Guesclin de Cuvelier / éd. Jean-Claude Faucon. Toulouse, 1990-1991. 3 t., 486, 501, 495 p.

18. Bryant N. The Text Translated // Cuvelier J. The Song of Bertrand du Guesclin / translated by Nigel Bryant. Martlesham, 2019. P.17.

19. Cuvelier J. The Song of Bertrand du Guesclin / translated by Nigel Bryant. Martlesham, 2019.

20. Faucon J. Note sur deux manuscrits de La chanson de Du Guesclin par Cuvelier // Revue d'histoire des textes. 8. 1978. P.319 – 323.

21. Roussel C. Introduction [Электронный ресурс] // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 35. 2018. URL: <https://journals.openedition.org/crmh/15417> (дата обращения: 30.04.2024).

THE IMAGE OF INFIDELS DURING MILITARY CONFLICTS IN THE SONG OF BERTRAND DU GUESCLIN BY JEAN CUVELIER

Lachugina N.C.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The Song of Bertrand du Guesclin is the chanson de geste written by trouver Jean Cuvelier in 1380, which tells the story of the exploits of the French knight and his companions. The article presents a study of what features the image of non-Christians in the poem includes and how their perception by other characters in the work is depicted. The work is focused on the plot of the confrontation for the throne in Castile (1351 – 1369), since the religious factor is an important indicator of the dichotomy “friend – foe” in it. It is concluded that the depiction of non-Christians in the Song is influenced by the features of the genre, ideas about religion widespread at the end of the 14th century, and chivalric ideas.

Key words

Bertrand du Guesclin, Jean Cuvelier, infidels, chanson de geste, the image of the other.